
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Издательство Томского университета
2021

18. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1889 год. Томск, 1890. 71 с.

19. Даревская Е.М., Тагаров Ж.З. Кяхтинцы Лушниковы и ссыльный народник Д.А. Клеменц // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 118–138.

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк

ВКЛАД Г.Н. ПОТАНИНА В МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО СИБИРИ*

Научное наследие Г.Н. Потанина привлекает немалое внимание исследователей в области географии, этнографии, фольклористики [1–3]. Освещаются его исторические и музееведческие труды [4–7]. Учитывая, что Г.Н. Потанин был в числе первых крупных ученых, кто работал в сибирских музеях, активно пополнял их коллекциями естественнонаучного и исторического характера, считаем необходимым проследить истоки его интереса к музейной работе, выявить его роль в организации и функционировании музейного дела Сибири.

В своих воспоминаниях и письмах Г.Н. Потанин подробно рассказывал о том, как зарождался и вызревал его интерес к изучению природы и исторического прошлого. Во время обучения в Омском кадетском корпусе, а затем – в Петербургском университете Григорий Потанин приобрел хорошие знания по целому комплексу дисциплин, начиная от ботаники и географии и завершая историей. Будучи в Петербурге, Г.Н. Потанин приобщился к музейным ценностям, бывал в Эрмитаже, посещал картинную галерею Ф.И. Прянишникова. Тогда же он стал собирать первые гербарии. Каждое лето, по совету виднейшего русского естествоиспытателя и путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского, Григорий Потанин проводил в поездках по губерниям Европейской России, составлял гербарии, руководствуясь книгой немецкого исследователя Карла Ледебура «Flora Rossica» [8. С. 135–139].

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 404. С. 67–76.

В 1863–1864 гг., в течение двух сезонов, Г.Н. Потанин участвовал в экспедиции К.В. Струве, занимавшейся определением астрономических пунктов на пограничных территориях Южного Алтая и Тарбагатая. По собственным воспоминаниям и по свидетельству Н.М. Ядринцева, он собирал коллекции, составил большой гербарий, который доставил в Петербург. Подготовленный им отчет об этой экспедиции получил похвальный отзыв Императорского Русского географического общества и был опубликован в его «Записках» [8. С. 162; 9. С. 263]. Одновременно, зимой 1864/65 г. Г.Н. Потанин занимался преподаванием и с целью приобщения гимназистов к изучению природы передал в Томскую губернскую мужскую гимназию дублетную коллекцию растений, привезенную из экспедиции Струве. Вот как он делился своим педагогическим опытом в одном из писем: «Я два месяца читал лекции в обеих гимназиях по естественным наукам. Заводим аквариумы, составляем коллекцию черепов, набиваем чучела. И в семинарии, и в гимназии началась гербаризация. Даже гимназистки собирают собачьи черепа» [10. С. 77].

Известно, что на волне общественного подъема 1860-х гг. Г.Н. Потанин и его друзья разрабатывали программу политического и культурного переустройства Сибири, получившую впоследствии название сибирского областничества. Но несмотря на политизацию областнического движения, Г.Н. Потанин считал себя мало приспособленным к политической деятельности, тяготел к «культурной работе». После тюремного заключения, каторги и ссылки по обвинению в намерении отделить Сибирь от России он писал Н.М. Ядринцеву: «Моя почва – наука, и чем более всецело я ей отдамся, тем больше, мне кажется, сделаю для той же Сибири» [11. С. 231]. Много позже об этом же писал И.И. Попов: «По своему характеру и склонностям Григорий Николаевич был ученый, общественным и политическим деятелем сделался по убеждениям. Конечно, занимаясь одной наукой и географическими исследованиями, он в этой области сделал бы несравненно больше» [12. С. 294].

Г.Н. Потанин мечтал написать книгу о Сибири, считал необходимым «дать популярное описание», опирающееся на строго научную основу [10. С. 129]. Выполнить этот замысел ему не удалось, но впоследствии он нашел более действенный способ популяризации научных знаний среди населения. Его обеспечивали

музеи. Выскажем предположение, что мысль о музее зародилась у него еще в те времена, когда подростком он увлекался трудами Н.М. Карамзина и, по его собственному признанию, не раз перечитывал «Историю государства Российского», делал длинные выписки из документальных примечаний к книге [8. С. 40–41]. Григорий Потанин учился у Карамзина вниманию к архивным документам, впитывал, как выяснилось позже, и особый прием исследования. Обозначенный впоследствии как метод визуализации исторического процесса, он обеспечивал зримое представление исторической действительности [13. С.56–57]. Г.Н. Потанин использовал этот прием в своих исторических работах, а позже стал задумываться и о музейном показе. Осознанию значимости музейной работы, думается, способствовало его участие в научных и просветительных обществах, которые, наряду с другими направлениями деятельности, формировали и поддерживали музейное дело. Известно, что Потанин состоял членом Императорского Географического общества, и его Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов. Кроме того, он был членом Императорского Московского археологического общества, а также многих сибирских культурно-просветительных организаций [14. С. 187; 15. С. 290].

И, наконец, важнейшим фактором музейности Г.Н. Потанина была его научная «всеядность», или, как справедливо отмечал А.М. Сагалаев, «синтетический подход ко всему сущему» [1. С. 64]. А, по нашему глубокому убеждению, только музей и есть тот институт, который синтезирует и вмещает все универсалии мира. Полагаем, что Г.Н. Потанин впитывал интерес к музеям и музейной деятельности не без влияния С.М. Соловьева, Д.А. Клеменца, Н.М. Могилянского. Ведь их трудами сложилось в России представление о музее как хранилище памятников природы и культуры, собранных с целью «наглядного и опытного изучения» [16. С. 35]. Впервые о роли музея в изучении окружающей действительности Потанин высказался тогда, когда, находясь в ссылке в Вологодской губернии, работал над учебным пособием по родиноведению. Он предполагал возможным использовать в начальных школах наглядные пособия и коллекции, составленные учителями и хранившиеся в некоторых музеях [17. С. 87]. Вероятно, он имел в виду педагогические музеи, которые активно создавались по всей

стране как раз с целью обеспечения школ наглядными пособиями. То же представление о музее и его функциях прослеживается в письме к секретарю Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гацисскому, в котором Г.Н. Потанин говорил о необходимости создания местных музеев, чтобы собирать в них «древности, может быть, рукописи и другие памятники исторического и геологического прошлого» [17. С. 136].

Порой Г.Н. Потанин прямо высказывался о главном назначении музея – собирать и хранить. Так, в публикации в журнале «Образование» он называл музей «святая святых геологии», в котором собирались и хранились «трилобиты и спириферы», а затем стали поступать «топоры, стрелы и другие каменные орудия», найденные археологами. И тогда музеи, по мнению автора, превратились в учреждения «для сохранения от утраты реальных памятников древности... предметов древней культуры» [18. С. 241–243]. В то же время Г.Н. Потанин указывал на культурно-просветительную и образовательную функции музея. Так, характеризуя научную деятельность Н.М. Ядринцева, он отмечал его знакомство со «всеми сибирскими музеями, разбросанными по городам» [19. С.42]. А говоря о жизни А.П. Щапова в Иркутске, отмечал, что после Петербурга тот оказался «в самой плохой для научных занятий обстановке», поскольку в городе «не было ни архивных сокровищ, ни библиотек и богатых музеев» [30. С. 254]. Позже, в 1914 г., в некрологе, посвященном памяти Д.А. Клеменца, писал, что научное содружество Клеменца и Мартьянова, «их бескорыстная преданность учреждению создали из Минусинского музея чудо. Музей сделался известным всей Сибири, о нем стало известно во всех умственных центрах Европейской России и даже в Западной Европе». Подчеркивал, что Минусинский музей «оказал большие услуги развитию знаний в стране. Он служил маленькой Академией наук для края» [21. С. 135].

Представления Г.Н. Потанина о музее и его роли в общественном развитии, несомненно, были заложены в программу создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске в 1911 г. В документе особо подчеркивалось значение музея как просветительного учреждения: «Никакая книга, никакая лекция или рассказ не в состоянии дать человеку совсем необразованному и неграмотному в такой короткий срок и таким

легким и доступным способом так много знаний, как путем осмотра подлинных убедительных документов... Музей есть самый надежный рассадник просвещения, верный источник приобретения разнообразных знаний». Одновременно отмечалось и научное значение будущего музея, поскольку в нем «сосредоточивается огромный материал, способный дать ученому новую тему для исследования и дать ему то, чего он не имеет или даже не знает» [22. С. 7, 9].

Осознавая научную и социокультурную значимость музейного дела, Г.Н. Потанин все теснее сближался с сибирскими музеями. Опыт музейного сотрудничества формировался в ходе четырех экспедиций по Монголии и Китаю, которые Г.Н. Потанин совершил в 1876–1893 гг. В экспедициях были собраны богатейшие коллекции млекопитающих, птиц, насекомых, образцы горных пород, сведения о русской торговле в Монголии, многочисленные этнографические материалы, образцы фольклора. И, как писал В.А. Обручев, Г.Н. Потанин, единственный из русских путешественников по внутренней Азии, «доставил наиболее полные и наиболее тщательно собранные гербарии». К сбору растений он относился с такой же любовью, как к собиранию «образцов народной словесности» [23. С. 10–11, 21–22].

Г.Н. Потанин все глубже проникался задачами научного комплектования музеев. Так, собираясь в 1883 г. в очередную экспедицию по Китаю, он писал организатору и руководителю Минусинского музея Н.М. Мартьянову: «Интересы Вашего маленького музея буду иметь в виду и во время своего путешествия и два, три подарка музею, надеюсь, доставить» [11. С.227]. И выполняя данное обещание, не только сам поставлял в музей новые материалы, но и организовывал присылку в музей книг и небольших коллекций от руководителей Императорского Русского географического общества П.П. Семенова и барона Ф.Р. Остен-Сакена. Содействовал научному сотрудничеству музея с виднейшим российским почвоведом, профессором В.В. Докучаевым, а также с другими исследователями и специалистами, например, бывшим политическим ссыльным, издателем Л.Ф. Пантелеевым, смотрителем Феодосийского археологического музея Ретовским, коллекционерами из Гибралтара Ф. Балестрино и Г. Доте [11. С. 216–217, 219, 223, 226, 236–237]. В 1887 г. Потанин поспособствовал доставке

в Минусинский музей четырех художественных альбомов И.И. Шишкина, а затем и работ В.И. Сурикова [37. С. 68, 71–72].

По возвращении из экспедиций Г.Н. Потанин обычно планировал, что из собранного передать в сибирские музеи. Разумеется, экспедиционные материалы в первую очередь доставлялись в Императорское Русское географическое общество и в Академию наук в Петербурге, оказывавшие финансовую поддержку потанинским исследованиям. По этому поводу Г.Н. Потанин не без гордости сообщал в одном из писем Ядринцеву: «Ученые гоняются за моими коллекциями...» [11. С. 129]. В то же время он обязательно снабжал своими сборами и музеи, прежде всего, работавших при сибирских отделах и подотделах Императорского Русского географического общества – в Иркутске, Омске, Кяхте и др. Так, в декабре 1877 г., возвращаясь из первой экспедиции по Монголии, писал Н.М. Ядринцеву из Бийска: «Для Отдела я отделил 40 шт[ук] птиц в шкурках, которые сдам по приезде в Омск; из растений же отберу по экземпляру в Петербурге» [11. С. 112]. Характерно, что коллекции Омского музея первоначально и формировались в основном за счет сборов, доставленных из экспедиций. Так в музее появилось промысловое ружье сибирской работы (дар Н.Г. Казнакова), китайские жертвенные чашки (дар Г.Н. Потанина), каменная баба (дар И.Я. Словова) [24].

Направляясь в очередную экспедицию в 1883 г., в письме к иркутскому купцу-меценату В.П. Сукачеву, он сообщал, что всю свою коллекцию растений уступит Ботаническому саду в Петербурге с условием, чтобы по одному экземпляру было выделено для будущего Сибирского университета в Томске и для музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске [11. С. 229]. Нужно отметить, что до сих пор в Иркутском областном музее хранятся предметы, доставленные Г.Н. Потаниным. Это и естественнонаучные сборы – каракатица сушеная, фитиль из камыша, и образцы культуры и повседневности – деревянные скульптуры, палочка гадательная, веер, чашка, гребень и др. [25–31].

Своими дарами и непосредственным участием Г.Н. Потанин способствовал созданию музея в Кяхте [32. С. 5–7]. По свидетельству И.И. Попова, политического ссыльного, жившего в середине 1880-х гг. в Кяхте, именно Потанин подал идею об открытии

музея. В 1892 г., направляясь в свою четвертую экспедицию по Китаю, он провел некоторое время в пограничном городке, беседовал с тамошними бурятами и монголами, записывал народные предания, вместе с детьми своих кяхтинских друзей искал на речном берегу наконечники стрел, бивни, ножи и другие артефакты, чтобы передать их в музей [12. С. 298]. А путешествуя по Китаю, присылал в Кяхтинский музей свои экспедиционные материалы [33. С. 215].

Поселившись в 1902 г. в Томске, Г.Н. Потанин обдумывал возможности пополнения фондов Музея прикладных знаний в связи с открытием Средне-Сибирского отдела Русского географического общества. Писал Д.А. Клеменцу о своих хлопотах, связанных с его открытием и предполагал, что «путешественники будут привозить коллекции, и из них все ценное будут отдавать в кабинеты университета: детальное в университет, а имеющее значение образовательное» – в Музей прикладных знаний [34. С. 60]. Организовать намечаемый отдел Географического общества не удалось, зато стараниями Потанина от университетского профессора Н.Ф. Кащенко в Музей прикладных знаний поступила коллекция низших животных (спиртовые препараты), от начальника отдела Управления Сибирской железной дороги А.А. Мейнгарда – коллекция бабочек, от С.И. Акерблома – небольшое собрание горных пород [7. С. 132].

Первый опыт общения с музеями Императорского Томского университета состоялся независимо от воли Г.Н. Потанина. Подаренная в Томскую мужскую гимназию коллекция в количестве 800 видов цветковых растений и птеридофит, собранная во время путешествия по Тарбагатаю, была передана в 1885 г. в университет и легла в основу Ботанического музея. Хранитель, а позже руководитель этого музея П.Н. Крылов определил значительную часть коллекции и составил подробный каталог, поскольку полагал, что потанинские сборы обеспечивают новые сведения о флоре Западной Сибири [35. С. 1–2]. Впоследствии Г.Н. Потанин сотрудничал с Крыловым, и в Гербарии Томского университета до сих пор сохранились образцы растений, собранных им в Тарбагатае.

Г.Н. Потанин деятельно участвовал в пополнении фондов Археологического музея Императорского Томского университета. Как и во всех предыдущих случаях, он передавал свои

собственные сборы и привлекал коллекционеров и жертвователей. Его стараниями на университетские средства и за счет дарений в музей поступило более десяти этнографических и археологических коллекций, в их числе коллекция «минусинских инородцев» из 112 предметов [36. С. 28]. Кроме того, Потанин передал на хранение в университетский музей медную ложку и резное изображение ангела, а возможно, еще и обломки глиняной посуды, полученные им от священника с Вознесенское Каинского уезда Павла Сорокина. Сам он подарил в музей топшур – музыкальный щипковый инструмент алтайцев [5. С. 182–183].

Пополняя музейные фонды, Г.Н. Потанин не мог не задумываться об их размещении и описании, о должных условиях хранения и использования. В этом отношении он много содействовал работе Минусинского музея, делился с его руководителем Н.М. Мартьяновым своими предложениями и планами. Считал, например, необходимым открыть в музее художественный отдел и кабинет художественных произведений и выставить в них головы античных статуй. С просветительными целями предлагал устроить выставку земледельческих орудий, и не местных, а усовершенствованных, европейских, – косы, грабли, модели плугов, жаток и мельниц. С помощью макетов из папье-маше рассказывать о животноводстве, показывать образцы хлебных растений и семян из Европы и европейской части России. Г.Н. Потанин советовал организовать в музее золотопромышленный отдел с моделями золотопромывательных машин, ручных орудий, а также с образцами шлихов и золотых самородков. Предполагал возможным изготовить рельефную карту Минусинского округа, познакомить посетителей с географией и природными богатствами края [11. С. 224]. В 1883 г., во время морского путешествия по пути в Китай, Г.Н. Потанин писал Н.М. Мартьянову о необходимости создания в музее Палестинского отдела [11. С. 237]. Обосновывал свое предложение тем, что палестинский отдел в Минусинском музее позволил бы познакомить сибиряков со страной, где «проходила жизнь Учителя». Возможно, Г.Н. Потанин был первым, кто задумался о музеефикации библейской истории. Предлагал, например, подготовить рельефную карту Иерусалима, собрать гербарий растений, упоминаемых в Библии, представить утварь и орудия труда местного населения, фотографические виды Палестины.

Он пытался связаться со специалистами в Петербурге и Иерусалиме, чтобы начать формирование палестинской коллекции для Минусинского музея [37. С. 70–71].

В 1887–1890 гг., избранный правителем дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Г.Н. Потанин возглавлял Иркутский музей, входивший в состав Восточно-Сибирского отдела. Как штатный сотрудник он рассматривал в качестве важнейших задач «расширение музея, отыскивание источников его содержания, благоустройство его с общеобразовательной целью, приведение в систематический порядок» [37. С. 122]. Планировал работы по сбору фондовых материалов, разработал «Программу для собирания сведений о сибирском шаманстве» [5. С. 92]. В 1888 г. обращался к Д.А. Клеменцу, совершавшему научную поездку по Сибири, с просьбой «осмотреть залежи каменного угля, где-то недавно открытые в Мариинском округе около Тисуля». Ждал от него сообщений о карагасах, «главным образом об остатках шаманства», просил приобрести шаманский бубен [37. С. 93]. Одновременно он занимался описанием и систематизацией иркутских коллекций и совместно с преподавателем Иркутской духовной семинарии И.А. Подгорбунским подготовил и выпустил первые в истории Иркутского музея каталоги. Один из них включал описание всех музейных коллекций, второй касался буддийской выставки [34. С. 226].

Сотрудничая в Иркутском музее, Г.Н. Потанин реализовал такие важные музейные направления, как экспозиционная деятельность, работа с посетителями, организовал первую в Иркутском музее большую выставку, на которой экспонировались образцы буддийской культуры. Тема выставки была предложена им самим в 1888 г. после того, как он привез из летней поездки по Забайкалью множество буддийских предметов. К организации выставки были привлечены купец-коллекционер А.Д. Старцев, который доставил коллекцию докшитов (гневных буддийских божеств), и лама Гусиноозерского дацана Д.Г. Гомбоев, предоставивший богослужебные предметы буддистов. В одном из своих писем Г.Н. Потанин сообщал, что на выставке было показано 560 предметов, публики было до 400 человек. Как руководитель музея он не обошел и материальную сторону события, весь сбор, по его сведениям,

составил 230 руб., из них 100 руб. ушло на подготовительные работы – создание экспозиции, издание каталога. Писал, что при подготовке выставки «перезнакомился с предметами и бурханом», составлял этикетки и тексты [37. С. 101].

Более подробное описание выставки, помещенное в газете «Восточное обозрение», позволяет охарактеризовать и экспозиционные приемы, предложенные организаторами. Судя по публикации, использовался самый распространенный в то время систематический метод, согласно которому все предметы размещались в соответствии с классификацией, принятой в той или иной области знания. При этом допускалось и декорирование, сохранившееся еще с XVIII в. Так, в газете описывалась центральная часть выставки: «Вдоль середины всего зала раскинут громадный стол (шириной почти в сажень и длиной 18 аршин), декорированный по бокам желтой материей (священный цвет буддистов), расписанной тибетскими узорами. Посередине стола на особых шестах в последовательном порядке развешаны изображения богов буддийского пантеона на фонах из шелковых материй, которые и разделяют стол на две половины. Против развешанных рисованных изображений размещены их статуи».

Использовался и набиравший силу ансамблевый метод экспонирования, который позволял раскрыть и, говоря современным языком, актуализировать буддийское наследие. В выставочном зале была воссоздана буддийская кумирня: под балдахином перед божницей был устроен жертвенник с расположенными в должном порядке священными предметами. Наряду с подлинными принадлежностями богослужений использовались также макеты буддийских храмов и монастырей, фотографии представителей различных этносов, исповадавших буддизм, сделанных специально для выставки кяхтинским фотографом Н.А. Чарушиным. Особое внимание привлекал манекен, одетый в костюм бога Чайчжала и с лицом, прикрытым маской свирепого быка [49].

Первая в Иркутском музее большая выставка пользовалась успехом у публики и говорила о профессиональных достижениях Потанина-музееведа. Следуя своему собственному намерению «сделать музей привлекательным для публики», ввести «объяснения при посещении публикой», привлекать для этого «особых сведущих лиц», он сам «объяснял предметы» на буддийской

выставке [37. С. 119, 122]. А его коллега И.А. Подгорбунский прочитал в музейном зале лекцию о буддизме, которая затем была опубликована в «Иркутских епархиальных ведомостях» и выпущена отдельным оттиском (Иркутск, 1889).

Еще работая в Восточно-Сибирском отделе Географического общества, Потанин решил перебраться в Петербург, чтобы закончить обработку экспедиционных материалов и подготовиться к новой экспедиции по Китаю. Заботясь об Иркутском музее, он писал Д.А. Клеменцу: «И, если я оставлю место правителя дел, а Вы будете состоять при Отделе, тогда я охотно буду продолжать свои заботы и хлопоты об Отделе, о снабжении его деньгами, о сборе денег на экспедиции, об обогащении его музея коллекциями» [37. С. 120]. Позже наставлял И.И. Попова, который по его рекомендации работал в Иркутском музее: «Консерваторство не бросайте ни под каким видом; оно много не займет времени; от Вас потребуются только сохранение коллекции в целости и зарегистрирование вновь поступающего... Вышлите список предметов, выдающихся по своему интересу, любопытных, о которых было бы полезно поместить сведения в путеводителе...». Советовал включить в список плоды и чучела птиц, подаренные Ботаническим садом и Академией наук, палеонтологические и геологические коллекции, предлагал обязательно сообщить имена жертвователей для публикации их в каталоге. И тут же наставлял: «Присматривайтесь к осматривающей музей публике, на что она обращает внимание, перед чем останавливается» [37. С. 256].

Наработанный в Иркутске музейный опыт Г.Н. Потанин успешно использовал в томском Музее прикладных знаний. Первый в Томске общественный музей был задуман Обществом попечения о начальном образовании еще в 1889 г. [38. Л. 1–2]. Учрежденный в следующем 1890 г., он испытывал серьезные затруднения в плане финансирования его деятельности, в организации комплектования и экспонирования. В 1902 г., едва поселившись в Томске, Г.Н. Потанин обратился к музейным проблемам, участвовал в работе музейной комиссии, созданной в Обществе попечения, а вскоре стал председателем этой комиссии. (Одновременно он вошел в совет Общества попечения о начальном образовании и вслед за этим был избран его председателем.) Возглавляемая Г.Н. Потаниным музейная комиссия поставила

задачу возродить музей. В решении этой задачи предполагалось необходимым сформировать образовательный, технический, сельскохозяйственный отделы, показывать коллекции по археологии и этнографии, собрать «поучительные» коллекции по зоологии, ботанике и геологии. Г.Н. Потанин особо подчеркивал необходимость «культового» отдела, в котором можно было бы собирать разнообразные коллекции религиозного характера и таким образом «высказываться за веротерпимость» [34. С. 61; 39. С. 62].

Сначала Г.Н. Потанин числился консерватором Музея прикладных знаний, а в январе 1903 г. стал штатным сотрудником – хранителем музея. Он находился на этой должности вплоть до временного закрытия музея в 1906 г., когда с введением военного положения в Томске в годы Первой русской революции Общество попечения о начальном образовании было запрещено, а все его имущество, в том числе и музей, законсервировано [40. Л. 16]. За три с небольшим года работы в Томском музее Г.Н. Потанин сумел оживить его. Как и в Иркутском музее, он занимался административно-управленческой работой, добился более или менее регулярного финансирования музейной деятельности за счет средств Томского городского самоуправления. Это позволило обновить музейное оборудование, сделать новые витрины, заказать 59 чучел птиц и 4 чучела млекопитающих [34. С. 64–65; 39. С. 62–63; 41. С. 3].

Сведений о том, как было организовано хранение и экспонирование предметов в Музее прикладных знаний в Томске, немного. Известно, что были заведены инвентарные книги, составлены каталоги минералогической, зоологической, полеводческой и пчеловодческой коллекций в количестве 732 предметов, отпечатаны ярлыки. Судя по имеющимся данным, в Музее прикладных знаний использовался характерный для своего времени прием, который позже получил название открытого хранения фондов. Это означало, что все поступления в музей были доступны для осмотра. При этом экспонирование музейных предметов было подчинено систематическому методу, характерному для тогдашних музеев. Так, Г.Н. Потанин сообщал о коллекции по шелководству, размещенной в особой стенной витрине, о витрине с предметами по пчеловодству. В музейном зале было установлено пять вертикальных витрин для зоологической коллекции, а также стеклянные

цилиндры для демонстрации спиртовых препаратов. Коллекция минералов располагалась в застекленных шкафах [39. С. 64–65].

С осени 1902 г. Музей прикладных знаний был открыт для посетителей по воскресным дням и пользовался большим вниманием горожан. Важно отметить, что наряду с осмотром коллекций в музее предлагались программы по обучению столярному, слесарному, токарному ремеслам. Желающие могли поучиться чертежным работам и моделированию [50]. Можно вполне согласиться с Т.В. Родионовой, которая писала, что работа Г.Н. Потанина в Музее прикладных знаний была высоко оценена томской общественностью, служила примером самоотверженного служения музейному делу, благодаря которому музеи оживали, «завоевывали симпатии» населения, служили просвещению [7. С. 132–133].

Г.Н. Потанин принимал непосредственное участие в работе Археологического музея Императорского Томского университета. Созданный в 1882 г. В.М. Флоринским, этот музей после отъезда из Томска его организатора и руководителя оказался буквально заброшенным, в университете не находилось специалистов-музееведов [42. С. 181]. Думается, что Г.Н. Потанин с его обостренным вниманием к музейному делу не мог пройти мимо факта запустения Археологического музея, который наряду с другими университетскими музеями способствовал превращению Томска в центр изучения и популяризации научных знаний о Сибири [43. С. 88]. Он обратился к ректору университета профессору В.В. Сапожникову с предложением обустроить Археологический музей и, получив его согласие, занялся вместе с А.В. Адриановым музейными делами. Приступил к определению коллекции из 99 предметов буддийской культуры, приобретенной на средства бийского купца А.Д. Васенева [5. С. 182]. А.В. Адрианов с помощью участников Сибирского студенческого кружка, созданного в университете, проводил описание поступивших коллекций, работал над продолжением каталога музея, начатого, как известно, самим В.М. Флоринским. Однако в 1910 г., со сменой университетского руководства, Г.Н. Потанину и А.В. Адрианову было отказано в доступе к музейным коллекциям как «лицам к университету непричастным» [44. С. 263]. Вполне вероятно, поводом к увольнению послужило письмо томского губернатора Н.Л. Гондатти,

направленное еще в 1909 г. попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву в связи с избранием Г.Н. Потанина почетным членом Томского технологического института. В письме, в частности, сообщалось: «Ввиду данных о противоправительственной деятельности Потанина, не прекращающейся и по настоящее время, утверждение его в звании почетного члена Томского технологического института, по мнению Департамента полиции, представляется нежелательным...» [45. Л. 6].

Несколько иными были причины отстранения Г.Н. Потанина от работ по созданию Сибирского научно-художественного музея, учрежденного, как отмечалось, в 1911 г. Томской городской думой в память 50-летия отмены крепостного права в России. Выработкой плана музейного строительства, организацией сбора и хранения музейных предметов занимался особый Музейный комитет, в состав которого в числе первых был приглашен Г.Н. Потанин. Кроме него, в Музейный комитет вошли А.В. Адрианов, П.И. Макушин, Е.Л. Зубашев и другие деятели томской культуры [46. Л. 38, 42]. Силами Комитета была опубликована брошюра с обращением «ко всем любящим свою страну и желающим помочь ее просвещению». Это обращение представляется нам ничем иным, как первым в Сибири музейным проектом, в котором была предложена структура будущего музея, разработана программа по собиранию коллекций [47. С. 98–99]. Судя по содержанию, особенному упору на представление в будущем музее комплекса памятников природы и культуры Сибири, ведущую роль в подготовке проекта сыграл Г.Н. Потанин.

Однако в 1914 г. Музейный комитет был приравнен к исполнительным комиссиям городской думы, и, ссылаясь на Городовое положение 1892 г., губернские власти потребовали вывести из его состава тех, кто не обладал избирательными правами, в их числе и Г.Н. Потанина. Конечно, это заметно понизило уровень подготовительных работ к открытию музея. Но в Городском комитете продолжал работать ближайший соратник и друг Г.Н. Потанина – А.В. Адрианов, чьими усилиями были организованы сбор, обработка и даже временное экспонирование материалов. И все же в силу неблагоприятных обстоятельств Революции 1917 г. и Гражданской войны музей так и не был открыт, а собранные коллекции были вывезены в 1920 г. в Новониколаевск [48. С. 119–120].

Все годы работы в Сибири Г.Н. Потанин занимался популяризацией научных (в том числе музейных) знаний, что вполне справедливо отметил в своей книге М.В. Шиловский [2. С. 143]. В целях популяризации, которая была задумана еще в 1860-х гг., он выступал с публичными лекциями и рассказами об экспедициях в музейных залах Иркутска и Томска. Наряду с этим публиковал статьи в газетах и журналах о музеях и музейных выставках в Красноярске, Минусинске, Чите и даже в Батавии (совр. Джакарта). Г.Н. Потанин охотно сотрудничал с исследователями и коллекционерами, интересовавшимися музейным делом. Так, он передал академику-востоковеду С.Ф. Ольденбургу фигурки китайских божеств и вызвался организовать фотографирование икон, хранившихся в Иркутском музее [34. С. 46–47]. Находясь проездом в Гибралтаре, Потанин завязал знакомство с тамошними собирателями редкостей и обращался в письме к Н.М. Мартянову с просьбой переслать им модель шаманского бубна, гербарий минусинских растений [11. С. 236–238].

Вплоть до последних месяцев своей жизни Г.Н. Потанин не утратил интереса к музейному делу, думал о передаче своих личных коллекций на общественное хранение. Он согласился передать свое книжное собрание в Институт исследования Сибири и собственноручно подписал машинописный текст: «Сим уведомляю совет Института исследования Сибири, что я согласен продать свою библиотеку Институту и разрешаю перевести ее сейчас же в помещение библиотеки Института исследования Сибири для составления списка их и определения ее стоимости» [51. Л. 124]. Письмо было доставлено 17 декабря 1919 г., а три дня спустя, 20 декабря, библиотекарь Института исследования Сибири П. Дмитриев направил в совет Института письменное сообщение о том, что поступили не только книги Г.Н. Потанина, но и его рукописи, рисунки, сделанные, по-видимому, во время путешествий, и портреты самого ученого и близких ему людей. П. Дмитриев писал: «Конечно, все это передано пока только на хранение, но, быть может, впоследствии возможно будет просить об оставлении в Институте исследования Сибири хотя бы части этих предметов навсегда». Предлагал разместить полученное в особом помещении и просил разрешение «продолжать составление потанинской коллекции» [51. Л. 143]. По сведениям Г.И. Колосовой, 17 февраля

1920 г. было принято решение приобрести книги и другие вещи Г.Н. Потанина для Института исследования Сибири. В последующие месяцы были сделаны «отдельные инвентари и списки», сформирован Потанинский отдел [52. С. 30].

Сразу после смерти Г.Н. Потанина, в июле 1920 г., ректор Томского технологического института Я.И. Михайленко обратился в Институт исследования Сибири с просьбой о передаче потанинского собрания в технологический институт и получил положительный ответ [53. Л. 118–119]. Но в том же июле Сибнаобраз принял решение о ликвидации Института исследования Сибири и о передаче его книжного имущества в университет [54. Л. 12]. В ноябре 1920 г. Комиссия по ликвидации дел Института исследования Сибири обратилась в правление Томского университета с предложением о принятии книжного имущества Института, в том числе и собрания Г.Н. Потанина, в университетскую библиотеку. Акт от 21 декабря 1920 г., сохранившийся в архиве Научной библиотеки ТГУ, подтверждает окончание перевозки библиотеки Института исследования Сибири из здания технологического института, где она размещалась со времени организации, в библиотеку Томского университета. По акту, опубликованному Г.И. Колосовой, видно, что вместе с книгами, брошюрами, картами, газетами были перемещены также рукописи, письма, портреты, рисунки, а затем и восемь книжных шкафов и сундук, принадлежавшие Г.Н. Потанину [52. С. 30].

С переводом потанинского наследия в университетскую библиотеку не раз обсуждался вопрос о создании комнаты имени Потанина. В 1924 г. Томский губернский комитет по делам музеев (губмузей) обратился к руководству ТГУ с предложением организовать Кабинет имени Потанина, чтобы собрать и сохранить в нем «литературное имущество Г.Н. Потанина» [55. Л. 10]. В ответе на это обращение правление ТГУ сообщало, что открытие Кабинета откладывалось, поскольку намеченная комната была занята под Уголок Ленина. Его планировали в скором времени перевести в создаваемый Кабинет имени Ленина, но и к концу 1925 г., когда Кабинет Ленина был открыт, вопрос о потанинском кабинете так и оставался нерешенным [55. Л. 10–11]. После настойчивых напоминаний директора Томского краевого музея М.Б. Шатилова в ТГУ была сформирована комиссия по организации Кабинета имени

Потанина в составе ректора ТГУ В.В. Саввина, профессора В.В. Ревердатто и директора главной библиотеки ТГУ В.Н. Наумовой-Широких. Комиссия наметила разместить Кабинет Потанина в комнате рядом с актовым залом университетской библиотеки и поручила директору библиотеки «составить список книжного имущества Г.Н. Потанина, поступившего в библиотеку» [55. Л. 7].

Получив сообщение о формировании комиссии, М.Б. Шатилов, видимо, был вполне удовлетворен, что позволило ему написать, что 2 января 1926 г. принято официальное решение об открытии Кабинета Г.Н. Потанина в Томском университете [56. С. 13]. Но точных данных о том, был ли создан кабинет, пока не обнаружено. Сохранились лишь сведения, что потанинское наследие, собранное в отдельном помещении, находилось в большом беспорядке, а вскоре было поделено между томскими музеями. Но и в музеях должного хранения не было обеспечено. Так, во время очередной проверки в 1934 г. хранившиеся в Этнолого-археологическом музее письма, фотографии и личные вещи Г.Н. Потанина «возбудили сомнение» в их научном значении. Было предложено перенести их в складское помещение [5. С. 186; 36. С. 33].

Тем не менее часть потанинского собрания все же удалось сохранить. Свидетельство тому – каталог выставки «Томск художественный», приуроченной к 90-летию Томского общества любителей художеств. На выставке, организованной в 2002 г. в Томском областном художественном музее, были представлены, наряду с другими, живописные полотна и графические листы, принадлежавшие Г.Н. Потанину или изображавшие его. Эти работы были переданы на выставку из Музея археологии и этнографии Сибири, из Научной библиотеки ТГУ, а также из самого художественного музея, полученные им, в свою очередь, из Томского областного краеведческого музея. А на акварели М.М. Щеглова «Сказки» (1913 г.), хранящейся в Музее археологии и этнографии, имеется дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и дорогому Григорию Николаевичу Потанину на память от Щегловых» [57. С. 35]. Интересные сведения о составе потанинского наследия в Научной библиотеке ТГУ содержатся в статье Г.И. Колосовой [52. С. 31–32].

Итак, обращение к музейно-научным трудам Г.Н. Потанина обеспечивает возможность избавиться от умаления и искажения его роли в изучении Сибири, дает новые знания о сибирских

музеях и музейном деле России в целом. Считаем, что работа по выявлению потанинского наследия в музеях требует дальнейшего расширения и углубления.

Источники и литература

1. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука, 1991. 231 с.

2. Шоловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2004. 244 с.

3. Шерстова Л.И. Этнографическая проблематика в труде Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 2(14). С. 15–18.

4. Дмитриенко Н.М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 98–109.

5. Родионова Т.В. Вклад Г.Н. Потанина в формирование и развитие Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Томские музеи: сб. документов и статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 181–187.

6. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и Музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 2. С. 91–93.

7. Родионова Т.В. Участие Г.Н. Потанина в деятельности Музея прикладных знаний // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 4(16). С. 131–133.

8. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6. С.22–332.

9. Ядринцев Н.М. Из статьи «Современная мания к путешествиям» // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. С. 261–265.

10. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.

11. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1989. Т. 3. 296 с.

12. Попов И.И. Из воспоминаний // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. С. 294–304.

13. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 398. С. 55–63.

14. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / [А.И. Чудовский, Т.М. Фарафонтон, М.М. Сиязов и др.]. Омск. 1902. 190 с.

15. *Императорское* Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2: Биографический словарь членов Общества. Список трудов членов Общества, помещенных в изданиях Общества / под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. XII, 445, 256 с.
16. *Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С.* Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 399. С.34–41.
17. *Письма Г.Н. Потанина* / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1988. Т. 2. 344 с.
18. *Потанин Г.Н.* О необходимости собирания сказок. (По поводу нового издания «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 241–245.
19. *Потанин Г.Н.* Воспоминания (окончание) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 35–150.
20. *Потанин Г.Н.* Об А.П. Шапове // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 254–256.
21. *Потанин Г.Н.* Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 134–139.
22. *Сибирский* областной музей в г. Томске: обращение Комитета музея ко всем любящим свою страну и желающим помочь ее просвещению. Томск, 1911. 14 с.
23. *Обручев В.А.* Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк его жизни и научной деятельности: [отд. оттиск из журнала «Природа»]. М., 1916. 23 с.
24. Государственное учреждение культуры Омской области. «Омский государственный историко-краеведческий музей»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shedevrs.ru/museum/579-kraevedcheskii.html>. Дата обращения: 01.01.2016.
25. Каракатица сушеная (Китай) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 726.
26. Скульптура Гуань-ин-пуса, дерево (Китай) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1568/2.
27. Чашка, дерево (Монголия) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1579/1.
28. Фитиль, камыш (Китай) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1607/1.
29. Навершие посоха докшита, дерево, металл (Монголия) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1631/10.
30. Палочка гадательная, дерево (Китай, поступление 1886 г.) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 11058/1.
31. Веер (Монголия, китайская работа, поступление 1886 г.) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 675/2.
32. *Черняк Э.И.* Д.А. Клеменц и создание музея в Няхте // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2015. № 4. С. 5–8.
33. *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Новосибирск, 1931. 231 с.
34. *Письма Г.Н. Потанина* / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.
35. *Крылов П.* Ботанический материал, собранный Г.Н. Потаниным в восточной части Семипалатинской области в 1863 и 1864 годах и свод предыдущих исследований. Томск, 1891. 106 с.

36. Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 21–38.
37. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1990. Т. 4. 428 с.
38. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 455.
39. [Швецов С., Потанин Г.] Музей прикладных знаний // Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1902 год. Томск, 1904. С.62–66.
40. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6099.
41. Местная хроника // Сибирский вестник. Томск, 1905. 15 янв., № 11.
42. Дмитриенко Н.М. У истоков музейного дела в Томске // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 11. С. 178–187.
43. Дмитриенко Н.М., Черняк, Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 397. С. 81–90.
44. Галахов И. Археологический и этнографический музей // Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. С. 261–264.
45. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2293.
46. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367.
47. Дмитриенко Н.М. Первый опыт музейного проектирования в Томске // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2013. № 372. С. 98–100.
48. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 381. С. 119–122.
49. П-н Д. Выставка предметов буддийского культа в Иркутске // Восточное обозрение. Иркутск, 1889. 1 янв., № 1.
50. Швецов С., Потанин Г., Акерблом С. Записка о состоянии Музея прикладных знаний при Обществе попечения о начальном образовании // Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1905. № 1. С. 1–2.
51. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 48.
52. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 2. С. 29–33.
53. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 13.
54. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 506.
55. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 267.
56. Шатилов М. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского Краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
57. Томск художественный: начало XX века: к 90-летию Томского общества любителей художеств: каталог выставки / отв. ред. И.П. Тюрина. Томск: Раско, 2002. 88 с.